

65. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 416 с.
66. Ціхаміраў, А. В. Балтыйскі вектар у беларускай палітыцы ў 1916–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2006. – № 1. – С. 41–46.
67. Ціхаміраў, А. В. Беларуская-літоўскія дачыненні ў 1914–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Спадчына. – 2002. – № 5–6. – С. 3–27.
68. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 400 с.
69. Ціхаміраў, А. В. «Віленскае пытанне» у міжнародных адносінах 1918–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Беларускі журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2002. – № 3. – С. 37–45.
70. Цынкевіч, В. М. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.15 / В. М. Цынкевіч ; БДУ. – Мінск, 2004. – 127 л.

«КОМПЛЕКС РАПАЛЛО» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА 1945-1990 гг.

И.И. Ковяко

Рапалльскі договар 1922 г. і яго наступствы аказалі буйное ўплыванне на ўспрыяццё і аналіз германскай праблемы ў англо-амерыканскай історыяграфіі. С пункту зглянення ісследователёў, патаенцыйныя ўгрозы міжнародным пазіцыям США і Вялікабрытаніі многакратна ўзвельчывалісь ў случае ўстанавлення саюзніцескіх адносін між Германіяй і СССР пасле Другой міравой вайны. Ідея саюза кантынентальных дзяржав нашла комплекснае абаснованне ў работах класіка нямецкай геопалітычнай школы Карла Хаусхофера (1869–1946). Ён адзначаў, што *«прочная сувязь дзяржав па асі Германія – Расія – Японія пазволіт нам всем падняцца і стаць неўязымымі перад метадамі анаконды англосаксонскага міра... Евразію невазможна задушыць, пака два самых крупных ёе народы – немцы і рускія – всячески стараються избежати междоусобного конфликта ... это аксиома европейской политики»* [1, с. 373]. Прадложенная ім канцэпцыя асі Берлін–Москва–Токіо стала істочнікам перманентнага страху англо-амерыканскага міра. «Комплекс Рапалло» быў непасрэдна звязан з мадэлю кантынентальнага блока. Пасле заканчэння Другой міравой вайны США і Вялікабрытанія прадпрынялі ўсе ўзможнае для таго, каб не дапусціць распастранення савецкага ўплыву ў Германіі. Усе прапановы СССР па стварэнню аднаго і нейтральнага нямецкага дзярства былі адвергнуты. Такай варыянт разглядаўся як непрадказуемы і патаенцыйна небяспечны. За яго рэалізацыяй таілісь прызракі саюза аб'яднанай Германіяй з СССР лібо вяртання немцаў к вядомай тактыцы «маятніка» ў знешняй палітыцы (лавіравання між Востком і Западам ў праследванні сугуба нацыянальных целяў). «Комплекс Рапалло» прадстаўляе цікавае з'яўленне ў англо-амерыканскай історыяграфіі германскага пытання. У дакладзе мы прааналізавалі асновныя элементы паслеваеннага германскага пытання, якія вызывалі ў брытанскіх і амерыканскіх ісследователёў асацыяцыі з Рапалло.

Пры ісследванні германскага пытання ў зональны перыяд (1945–1949 гг.) брытанскія і амерыканскія ісследователі незалежна ад тэчэння, якое яны прадстаўлялі, рэгулярна ўпаміналі небяспечнасць Вялікабрытаніі і США ў звязі з магчымым пераходам Германіі на бок СССР і распастраненнем савецкага ўплыву ў Еўропе. У ўмовах халоднай вайны патаенцыйны саюз Германіі і СССР разглядаўся як ўгроза заападнаеўрапейскім дзярствам. Вялікабрытанія найбольш настойчы і паслядоватальна дасігала сахранення амерыканскага ваеннага прысутства ў Еўропе і Германіі. У Лондане былі ўвераны, што толькі США маглі прадотвратыць абразаванне

подобного союза и повторения Рапалло. Профессор Университетского колледжа Лондона (UCL) **Мэри Фулбрук** пришла к выводу, что стремление Великобритании и Франции сохранить раскол было вызвано «комплексом Рапалло и опасениями нового советско-германского союза» [7, с. 245]. Американский историк и дипломат **Джордж Фрост Кеннан**, предложивший идею создания объединенной Германии как «третьей силы», считал необходимым исключить все ее возможные связи с СССР. Американский дипломат, глава ЦРУ **Аллен Даллес** в статье «Альтернативы для Германии» (1947) особо отмечал роль бывших восточных территорий Германии, которые находились за линией рек Одер–Нейсе. Они рассматривались как «пряник», с помощью которого Советский Союз может получить согласие Германии на построение союзнических отношений и распространение коммунизма в Европе [5, с. 426]. Позиционируя себя как «главного спонсора германского единства», СССР мог рассчитывать на переход всей Германии в свою сферу влияния [17, с. 554, 563]. Вследствие давления европейских союзников, а также активной политики СССР в Восточной Европе, руководство США (в наименьшей степени склонное к аналогиям с Рапалло) также пришло к выводу, что только разделенная Германия может гарантировать стабильность новой системы международных отношений [8, с. 55; 13, с. 164; 14, с. 111]. Существовали опасения, что «новое Рапалло», к которому могла присоединиться Япония, привело бы к возникновению «*тоталитарного альянса, готового бросить вызов американской гегемонии*» (прямая аналогия с осью Берлин–Москва–Токио – авт.) [2, с. 308].

Ремилитаризация ФРГ и советские инициативы первой половины 1950-х гг., предполагавшие создание единой нейтральной Германии, актуализировали тему Рапалло в работах британских и американских исследователей. Выражались опасения, что вооруженная ФРГ может «*оживить Рапалло и уйти на восток*», а ее «*хрупкая демократия скатится к милитаризму*» [16, с. 30–31; 19, с. 184]. В 1953 г. в США вышла в свет книга **Тега Гаренса Тетенса** «*Заговор Германии с Кремлем*». Ремилитаризация ФРГ, с точки зрения автора, была недопустима, поскольку восстанавливала ее суверенитет и заметно укрепляла позиции немцев в переговорах с СССР об объединении страны [22, с. 110–112]. Автор отмечал, что дипломатия ФРГ основана на старом пангерманском принципе «Германия превыше всего». Однако «*горький опыт со Штреземаном и Гитлером*» так ничему и не научил страны Запада, которые по-прежнему «*пытаются подружиться с немцами, протягивая один леденец за другим*» [22, с. 149–153]. Исследователь пришел к выводу, что политика ремилитаризации лишь приведет к укреплению советского блока и усилению коммунизма, а «*в самый решающий момент немцы окажутся в одном лагере с нашими противниками*» [22, с. 202–205].

Новая восточная политика В. Брандта представила благоприятную почву для возрождения темы Рапалло в англо-американской историографии. Авторы проводили параллели между Московским договором 1970 г. и договором Рапалло, оценивая возможные риски и последствия. Новая восточная политика в глазах западных союзников несла определенные оттенки нейтрализма и национализма, которые оживляли исторические аналогии. Американский историк **Уильям Глен Грей** отметил, что любой значительный сдвиг в развитии политических или экономических отношений ФРГ с социалистическими странами сразу возрождает «комплекс Рапалло» у западных союзников [11, с. 90]. Авторы консервативного направления выражали беспокойство в связи с возможным ростом независимости ФРГ в рамках НАТО и поворотом к поиску альтернативных схем системы безопасности [4, с. 26; 12, с. 55; 19, с. 310]. Другие исследователи – преимущественно либерального направления – вступили в дискуссию, утверждая, что заключение «нового Рапалло» невозможно, поскольку дух реваншизма и идея «великой Германии» мертвы [6, с. 3]. Следовательно, реализация «*политики Штреземана более не представляется возможным*» [18, с. 499–500]. Профессор

Джорджтаунского университета **Анджела Стент** утверждала, что проект Рапалло представляется маловероятным, поскольку сам СССР не заинтересован в его реализации. Вмонтированная в НАТО ФРГ являлась гораздо более предсказуемой и безопасной для Советского Союза, чем сильная независимая Германия, которая вернется к тактике «маятника» [20, с. 250].

Тема Рапалло вновь обрела актуальность в начале 1980-х гг. В связи с вводом советского контингента в Афганистан, страны Запада заявили о завершении эры разрядки и введении санкций в отношении СССР и социалистических стран. Одновременно члены НАТО приступили к обсуждению планов по укреплению военной мощи альянса в Западной Европе. ФРГ оказалась наименее заинтересована в свертывании экономических отношений со странами Восточной Европы. Ухудшение отношений с СССР, которое последовало за размещением на территории ФРГ новых видов вооружений, представляло серьезную опасность для дальнейшего развития внутригерманского диалога. Заметное отличие позиции ФРГ от западных союзников, вызванное стремлением защитить свои национальные интересы, в очередной раз оживляло призрак континентального блока на страницах научных публикаций [3, с. 115; 10, с. 16–17].

Последний всплеск «комплекса Рапалло» был связан с анализом советско-западногерманских переговоров в июле 1990 г., которые открыли путь к объединению Германии. Профессор **Анджела Стент** в работе *«Перерождение России и Германии: объединение, распад СССР и новая Европа»* (1999) отмечала, что переговоры без участия западных стран вновь оживили «комплекс Рапалло». Результаты пресс-конференции Г. Коля и М. Горбачева в Ставрополе привели к появлению в историографии нового термина – «Ставрапалло» [21, с. 137]. В главе «Друзья по несчастью» автор приходит к заключению, что, несмотря на объединение Германии на выгодных для запада условиях и ее надежном закреплении в структурах НАТО и ЕС, опыт прошлого забывать не стоит. Рапалло продемонстрировало, что русские и немцы могут сотрудничать на основе *«циничных потребностей, в случае если их общие прагматические интересы выше разногласий»*. Профессор Стент не исключила, что в будущем *«Германия и Россия могут поддасться искушению и вновь объединить силы в погоне за национальными интересами в ущерб своим соседям»* [21, с. 16]. Другие авторы, признавая факт сближения Германии и СССР, считали его геополитически обоснованным и не видели в этом угрозы западному миру. Объединенная Германия оставалась надежным партнером в рамках НАТО, а ее первоочередные интересы распространялись на регион ЦВЕ, в котором влияние СССР (а затем и России) ослабевало [9, с. 77; 15, с. 77]. На рубеже тысячелетий «комплекс Рапалло» в англо-американской историографии постепенно был заменен «комплексом *Mittleuropa*». В связи с активной политикой объединенной Германии в Центральной и Восточной Европе концепция «Срединной Европы» Фридриха Науманна (1860–1919) представлялась более актуальной и злободневной, чем идея континентального блока Хаусхофера.

1. Хаусхофер, К. Континентальный блок / Карл Хаусхофер // О Геополитике: Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. – С. 371–418
2. Barnett, R.J.A Balance Sheet: Lippmann, Kennan, and the Cold War / Richard Barnett [Electronic resource] / Diplomatic History. – Vol. 16. – No. 2 (Spring 1992). – P. 302–311. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/24912160>. – Date of access: 02.09.2018
3. Bertram, C. European Security and the German Problem / Christoph Bertram [Electronic resource] / International Security. – Vol. 4. – No. 3 (Winter, 1979–1980). – P. 105–116. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2626696> – Date of access: 02.09.2018
4. Blechman, B.M., Fisher, C. The silent partner. West Germany and arms control / Barry M. Blechman, Cathleen Fisher. – Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing, 1988. – 266 p.
5. Dulles, A.W. Alternatives for Germany / Allen W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – №3. – P. 421–432

6. Dulles, E.L. One Germany or two. The struggle at the heart of Europe / Eleanor L. Dulles. – Stanford: Stanford University; Hoover Institution, 1970. – 315 p.
  7. Fulbrook, M. A history of Germany, 1918–2008. The divided nation / Mary Fulbrook. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. – 737 p.
  8. Gaddis, J.L. The long peace. Inquiries into the history of cold war / John Lewis Gaddis. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. – 332 p.
  9. Garton Ash, T. Germany's Choice / Timothy Garton Ash [Electronic resource] / Foreign Affairs. – Vol. 73. – No. 4 (Jul. - Aug., 1994). – P. 65–81. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/20046744>. – Date of access: 02.09.2018
  10. Garton Ash, T. Mitteleuropa? / Timothy Garton Ash [Electronic resource] / Daedalus. – Vol. 119. – No. 1, Eastern Europe... Central Europe... Europe (Winter, 1990). – P. 1–21. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/20025282>. – Date of access: 02.09.2018
  11. Gray, W.G. Adenauer, Erhard, and the Uses of Prosperity / William Glenn Gray [Electronic resource] / German Politics & Society. – Vol. 25. – No. 2 (83), SPECIAL ISSUE: Western Integration, German Unification and the Cold War: The Adenauer Era in Perspective (Summer 2007). – P. 86–103. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/23742813>. – Date of access: 02.09.2018
  12. Griffith, W. The American view / William Griffith // Germany between East and West / Ed. by E. Moreton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 49–63
  13. James, H. A German identity / Harold James. – New York: Routledge, 1989. – 240 p.
  14. Judt, Tony. Postwar. A history of Europe since 1945 / Tony Judt. – New York: Penguin Press, 2005. – 967 p.
  15. Layne, C. America's Stake in Soviet Stability / Christopher Layne [Electronic resource] / World Policy Journal. – Vol. 8. – No. 1 (Winter, 1990/1991). – P. 61–88. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/40209198>. – Date of access: 02.09.2018
  16. McGeehan, R. The German rearmament question. American diplomacy and European defense after World War II / Robert McGeehan. – Urbana: University of Illinois Press, 1971. – 280 p.
  17. Nettl, P. Economic checks on German unity / Peter Nettl // Foreign Affairs. – 1952. – Vol. 30. – №4. – P. 554–563
  18. Ryder, A.J. Twentieth century Germany: from Bismarck to Brandt / A.J. Ryder. – New York: Columbia University, 1973. – 656 p.
  19. Sowden, J.K. The German question, 1945–1973. Continuity in change / John K. Sowden. – London: Bradford University, 1975. – 404 p.
  20. Stent, A. From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980 / Angela Stent. – Cambridge: Cambridge University, 1981. – 328 p.
  21. Stent, A. Russia and Germany reborn: unification, the Soviet collapse, and the new Europe / Angela Stent. – Princeton: Princeton University, 1999. – 300 p.
- Tetens, T.H. Germany plots with the Kremlin / T.H. Tetens. – New York: H. Schuman, 1953. – 294 p.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОРПУСА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (1918–1920-е годы)

И.Р. Чикалова

Попытки осмыслить феномен Первой мировой войны начались ещё до того, как замолчали пушки. Внимание ученых привлекали вопросы происхождения, характера и последствий Первой мировой войны, дипломатии довоенного и военного времени, эволюции военного искусства на основе изучения опыта ведения боевых действий. В 1920-е годы работа над анализом событий войны продолжилась.

Уже в 1920-е гг. в открытых и закрытых военно-академических изданиях были введены в научный оборот многочисленные факты о военных действиях в ходе Первой мировой войны: были переведены труды, посвященные военным действиям на суше (А. Корда) и на море (О. Гроос, Р. Фирле, Г. Ньюболт, А. Шталь). В самой России для изучения истории Мировой войны создали соответствующие научные центры. На протяжении 1918–1924 гг. основным учреждением по изучению истории войны была Военно-историческая комиссия, которая организовала публикации в серии «Труды военно-исторической комиссии». Одним из первых в ней вышел сборник «Сношения с